

УДК: 159.922

doi: 10.11621/vsp.2020.03.07

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ МОРАЛЬНОГО САМООПРАВДАНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ И ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

С. В. Молчанов*, О. В. Алмазова

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Для контактов*. E-mail: s-molch2001@mail.ru

Актуальность. В условиях транзитивного информационного общества с высокой вариативностью форм социализации и моральных стандартов в подростковом и юношеском возрасте возрастает распространенность девиантного поведения и нарушения личностно моральных норм при их декларативном принятии и сохранении позитивной моральной самооценки. Реализация подростком поведения, выходящего за границы принятых моральных норм, свидетельствует о нарушении моральной саморегуляции, связанном с особым отношением к своему поступку по типу морального отчуждения. А. Бандурой была предложена модель оправдания поведения, нарушающего принятые моральные стандарты, в которой выделены механизмы морального самооправдания, обеспечивающие поддержку позитивной самооценки и самоуважения личности даже в условиях явного нарушения моральных норм.

Цель исследования: определить особенности предпочтений механизмов морального самооправдания в подростковом и юношеском возрасте. Задачи исследования: изучение особенностей предпочтений механизмов морального самооправдания, анализ возрастной динамики механизмов морального самооправдания, анализ гендерных различий предпочтения механизмов морального самооправдания, анализ психометрических параметров методики особенностей механизмов морального самооправдания.

В исследовании были использованы следующие **методики:** методика отчуждения моральной ответственности С. Мур в русскоязычной адаптации Я.А. Ледовой и коллег, методика «Справедливость — забота» (автор С.В. Молчанов). В исследовании приняли участие 551 подросток в возрасте от 14 до 17 лет. Из них 346 (62,8%) юношей и 205 (37,2%) девушек. Также было опрошено 230 студентов старших курсов вузов.

В **результате** были определены особенности и иерархия предпочтений механизмов морального самооправдания: выделены группы по характеру предпочтений, определена возрастная динамика предпочтений, выделены гендерные различия предпочтений, проанализированы психометрические параметры используемой методики и доказана возможность ее использования для диагностики механизмов морального самооправдания.

Ключевые слова: механизмы морального самооправдания, моральное развитие, личностное развитие, подростковый возраст.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ-проекта «Личностные и когнитивные факторы использования подростками механизмов морального самооправдания девиантного поведения (буллинга и кибербуллинга) в условиях информационной социализации» № 19-013-00823.

Для цитирования: Молчанов, С.В., Алмазова, О.В. Особенности использования механизмов морального самооправдания в подростковом и юношеском возрасте // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. № 3. С. 147–165. doi: 10.11621/vsp.2020.03.07

Поступила в редакцию: 02.07.2020 / Принята к публикации: 24.07.2020

PECULIARITIES OF MORAL DISENGAGEMENT MECHANISMS REALIZATION IN ADOLESCENCE

Sergey V. Molchanov*, Olga V. Almazova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

*Corresponding author. E-mail: s-molch2001@mail.ru

Relevance. The spread of deviant behavior and violations of moral norms by adolescents increases in the transitive informational society with high variability of socialization forms and moral standards. These violations are declaratively accepted by teenagers while they maintain a positive moral self-esteem. The implementation of behavior that goes beyond the boundaries of accepted moral standards indicates a violation of moral self-regulation associated with a special attitude to one's act according to the type of moral alienation. A. Bandura proposed

a model to justify immoral behavior where moral disengagement mechanisms are highlighted, providing support for positive self-esteem and self-respect. The selected moral disengagement mechanisms are actively used in adolescents to explain their own and other people's immoral behavior.

Objective: to determine the characteristics of the preferences of moral disengagement mechanisms in adolescence and youth. Research goals: analysis of preferences of the moral disengagement mechanisms, age dynamics analysis of moral disengagement mechanisms, gender differences analysis of preferences of the moral disengagement mechanisms, analysis of the psychometric parameters of the questionnaire of moral disengagement mechanisms.

The following **methods** were used in the study: the method of moral disengagement mechanisms by S. Moore in the Russian-language adaptation by Ledova Ya.A. and colleagues, the methodology "Justice and care" (author S.V. Molchanov).

Participants. The study involved 551 adolescents aged 14 to 17 where 346 (62.8%) were boys and 205 (37.2%) were girls. It also surveyed 230 senior students of universities.

The following **results** were obtained: the characteristics of preferences were analyzed and a hierarchy of mechanisms of moral disengagement mechanisms was identified; various groups were distinguished by the nature of preferences of moral disengagement mechanisms; age dynamics of preferences of moral disengagement mechanisms were determined ;gender differences in the preferences of moral disengagement mechanisms are highlighted; the psychometric parameters of the used methodology were analyzed; the possibilities of its use was demonstrated.

Keywords: moral disengagement mechanisms, moral development, personal development, adolescence.

Acknowledgments. This work has been supported by RFBR project "Personal and cognitive factors of using moral disengagement mechanisms of deviant behavior (bullying and cyber bullying) in adolescents amid informational socialization" No 19-013-00823.

For citation: Molchanov, S.V., Almazova, O.V. (2020) Peculiarities of moral disengagement mechanisms realization in adolescence. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin]*, 3, P. 147–165. doi: 10.11621/vsp.2020.03.07

Received: June 02, 2020 / Accepted: July 24, 2020

Транзитивность, высокая социальная неопределенность, поликультурность, неоднородность социо-экономического, религиозного, технологического, информационного контекстов современного общества порождают разнообразие форм социализации и индивидуализации в подростковом и юношеском возрасте и значительную вариативность социальных моделей поведения, ценностей, моральных норм и стандартов и неоднозначность оценок поведения человека. В этих условиях возрастает распространенность девиантного поведения и нарушения личностью моральных норм при их декларативном принятии и сохранении позитивной моральной самооценки. Реализация подростком поведения, выходящего за границы принятых моральных норм, свидетельствует о нарушении моральной саморегуляции, связанном с особым отношением к своему поступку и самому себе, по типу морального отчуждения.

В модели оправдания аморального поведения, предложенной А. Бандурой, выделяется ряд механизмов морального самооправдания, которые обеспечивает поддержку позитивной самооценки и самоуважения (Bandura, 1986). Были выделены два условия активизации морального самооправдания: во-первых, принятие человеком необходимости следовать в своем поведении моральным нормам и ориентировка на их выполнение как основание моральной самооценки; во-вторых — недостаточная готовность личности осуществить моральный выбор, руководствуясь только моральными стандартами. Соответственно, «моральную свободу» личности можно определить как выбор в пространстве вариантов: пренебречь социальными требованиями и моральными предписаниями в ситуации моральной дилеммы или следовать им в своем поведении. В условиях противоречия между должным и значимым, с одной стороны, и значимым, но противоположным должному поведением, с другой, происходит актуализация механизмов морального самооправдания (Молчанов, 2019). Механизмами морального самооправдания являются социо-когнитивные процессы, которые рассматриваются как «тенденция к оправданию действий, приносящих вред другому с целью сохранения самооценки, минимизации индивидуальной ответственности за причинение вреда другому» (Carprara et al., 2006). Использование механизмов морального самооправдания обеспечивает «моральную свободу» личности посредством искажения механизмов моральной саморегуляции поведения. Механизмы морального самооправдания связаны с тремя компонентами саморегуляции в ситуации моральной дилеммы: восприятием ситуации морального выбора,

оценкой последствий поступка для людей и оценкой фигуры жертвы и отношение к ней. Для трансформации восприятия ситуации морального выбора могут быть использованы следующие механизмы морального самооправдания: моральное оправдание, речевой эвфемизм, оправдательное сравнение, распределение ответственности (варианты перекалывания и диффузии ответственности) (Молчанов, 2019). При оценке последствий нарушения моральной нормы актуализируются такие механизмы морального самооправдания, как искажение/игнорирование/отрицание последствий поступка. При оценке фигуры жертвы и отношения к ней включаются такие механизмы морального самооправдания, как дегуманизации жертвы и атрибуция вины. Дадим краткую характеристику указанным механизмам морального самооправдания (Молчанов, 2019). Моральное оправдание предполагает, что поступки, противоречащие моральным нормам, совершаются тогда, когда на личном и социальном уровне есть подтверждение правомерности и необходимости таких действий и признание обоснованности причин нарушения моральных норм (Kelman & Hamilton, 1989; Sanford & Comstock, 1971). Например, на уровне государства легитимизация разных форм насилия, включая право на убийство, применяемое к отдельным гражданам, перестает рассматриваться как нарушение моральных стандартов (Арчер, Гартнер, 2003). Моральное оправдание рассматривается как наиболее эффективный механизм снятия внутренних санкций, поскольку в этом случае происходит реконструкция вредоносного поступка в необходимое позитивное действие (Bandura et al., 1996). Речевой эвфемизм предполагает замену слова или выражения, неудобного или грубого для употребления на более мягкое. Одно и то же событие и действие могут быть по-разному названы, что влечет за собой изменение самого восприятия и поведения. Эмпирические исследования подтверждают: люди ведут себя гораздо более агрессивно и жестоко, если их действия обозначаются более мягко, чем агрессия (Diener et al., 1975). Оправдательное сравнение связано с тенденцией давать этическую оценку поступка и его соответствия моральным стандартам через сравнение себя с другими. В таком варианте ключевое значение приобретает выбор объекта для сравнения, который будет поступать хуже, чем сам субъект. Сравнение собственных поступков с худшим поведением другого человека или целой группы обеспечивает ситуацию, когда поведение субъекта может выглядеть вполне благопристойным или как минимум оправданным (Bandura, 1991). Для распределения ответственности можно выделить два ва-

рианта оправдания нарушения моральных норм: перекалывание ответственности и диффузия ответственности. При перекалывании ответственности человек рассматривает свое поведение как следствие неизбежного социального давления или непреодолимого воздействия других людей, но не как результат собственного выбора. В случае диффузии ответственности можно выделить несколько вариантов (Kelman, 1973). Во-первых — ситуация распределенного действия, когда конкретное действие само по себе не приводит к причинению вреда людям, но, складываясь в совместную деятельность, приводит к серьезному урону для окружающих людей и общества в целом. Во-вторых, ситуация принятия группового решения, когда ответственность возлагается на всех, но никто персонально ответственности не несет. Групповое решение позволяет снизить моральный контроль, поскольку всегда есть возможность переложить ответственность на другого. В-третьих — совместное нарушение моральных стандартов, ослабляющее или снимающее контроль личности над своим поведением (Zimbardo, 1995). Можно отметить, что агрессивность поведения возрастает в ситуации, когда ответственность носит групповой характер, по сравнению с ситуацией, в которой каждый несет личную ответственность за свое поведение (Bandura et al., 1975; Diener, 1977; Zimbardo, 1995). Механизм морального самооправдания — искажение/игнорирование/отрицание последствий поступка — связан с оценкой последствий поступка, которая является важным условием общей оценки морального поведения. Совершая действия, наносящие ущерб, нарушители моральных стандартов минимизируют или отрицают негативные последствия для пострадавших. Они чаще думают о собственных выгодах, проистекающих из поступка, а не о его негативных последствиях для других людей (Brock & Buss, 1962). В дополнение к механизмам избирательности внимания и когнитивного искажения ситуации, могут быть задействованы активные попытки дискредитации свидетельств причиненного вреда. Дегуманизация жертвы предполагает ее примитивизацию, отказ в праве на чувства, мысли, переживания (Bandura, 1986). Восприятие другого, как похожего на тебя, переживание общности с ним, препятствует нарушению моральных обязательств по отношению к этому человеку. Отказ субъекту взаимодействия в человеческих качествах и природном сходстве с собой позволяет рассматривать другого лишь как объект воздействия. Атрибуция вины предполагает, что приписывание вины сочетается с ярко выраженным внешним локусом контроля. Нарушители моральных норм часто видят себя

беззащитными жертвами обстоятельств и злонамеренного поведения окружающих, а свое поведение расценивают как вынужденную ответную реакцию. Это может принимать форму обвинения жертвы агрессии в том, что она сама спровоцировала насилие, утверждения своей неспособности противостоять внешнему давлению или ссылки на сложившиеся непреодолимые обстоятельства.

Таким образом, представленные механизмы морального самооправдания обеспечивают возможность «легализации» поведения, нарушающего моральные нормы, с сохранением позитивного самоотношения. Отметим, что в отечественной психологии проблематика механизмов морального самооправдания также обозначается синонимичным по смыслу термином механизмы морального отчуждения (Ледовая и др., 2019).

Предложенная А. Бандурой модель получила широкое признание. Тем не менее, исследований возрастной динамики использования механизмов морального самооправдания достаточно мало, а имеющиеся результаты носят нередко противоречивый характер. Возрастные рамки изучаемых групп в большинстве исследований ограничиваются младшим и старшим подростковым возрастом. Отмечается, что часто переменная «возраст» используется лишь для вторичного анализа и находится вне центрального фокуса внимания авторов (Bussey et al., 2015). Отдельные исследования показывают наличие возрастной динамики использования механизмов морального самооправдания, другие — нет. Тем не менее, результаты исследований позволяют выделить ряд тенденций, определяющих возрастную динамику использования механизмов морального самооправдания. Например, при анализе особенностей использования механизмов морального самооправдания испытуемых в возрасте от 12 до 20 лет, было выявлено, что в период подростничества (14–16 лет) наблюдается снижение интенсивности использования механизмов морального самооправдания. При этом выделяется значительная группа тинейджеров, которые остаются активными «практиками» стратегий морального самооправдания (Paciello et al., 2008). Также обнаружено, что интенсивность использования механизмов морального самооправдания снижается от подросткового и юношеского возраста к периоду молодости. Есть возрастная специфика предпочтений механизмов морального самооправдания: распределение/отрицание ответственности, обесценивание последствий нарушения нормы для жертвы более популярны среди подростков, механизм дегуманизации жертвы чаще используется в молодости. Лонгитюдные исследования

свидетельствуют о зависимости предпочтения механизмов морального самооправдания от социального контекста взаимодействия и экономических условий проживания. Например, лонгитюдный анализ особенностей морального развития, охватывающий период от полутора до 18 лет показывает, что дисгармоничность детско-родительских отношений в раннем возрасте и условия проживания семьи в бедных районах являются значимыми предикторами использования механизмов морального самооправдания в подростковом возрасте (Hyde et al., 2010). Значимость отношений со сверстником в подростковом возрасте подтверждается и в отношении выбираемых механизмов морального самооправдания: предпочитаемые сверстниками стратегии влияют на собственный выбор в период 11–14 лет, не оказывая существенного влияния в более младших возрастах (например, в 9–10 лет). (Caravita et al., 2014). Анализ связи использования механизмов морального самооправдания с особенностями личности показывает, что их защитная функция наиболее эффективна в кратковременной перспективе. Негативные эмоции (чувство вины и стыда) при анализе последствий аморального поведения лучше всего подавляются в краткосрочной временной перспективе, тогда как в средне- и долгосрочной перспективе такой эффект носит нестабильный характер. Тем не менее, современные авторы рассматривают механизмы морального самооправдания не только как когнитивные регуляторы сиюминутного внутреннего психологического давления, но и как мультифункциональную регуляторную систему с наличием управления негативными эмоциями, вызванными нарушением моральных стандартов (Tilman et al., 2017; Молчанов, 2019). Любопытно, что модель механизмов морального самооправдания в коммуникации используется как для оправдания собственного поведения, так и для оправдания поведения своих друзей.

Механизмы морального самооправдания связаны с различными аспектами девиантного поведения — проявлением агрессии, буллинга, кибербуллинга и т.д. Так, метаанализ 27 исследований с участием 17776 человек детей и подростков в возрасте от 8 до 18 лет показывает, что использование механизмов морального самооправдания связано с агрессивным поведением. Разные виды агрессивного поведения одинаково связаны с использованием механизмов морального самооправдания. Подростки оправдывают собственное агрессивное поведение более активно, чем младшие школьники. Модель активно используется как молодыми людьми, так и девушками (Gini et al., 2014). Анализ особенностей использования механизмов

морального самооправдания в поведении буллинга также демонстрирует устойчивую связь. Метаанализ 47 исследований с общим объемом испытуемых в 43809 детей и подростков в возрасте от 7 до 19 лет показывает, что использование механизмов морального самооправдания связано с ролями, которые реализуют в процессе буллинга дети и подростки. Занимаемая роль оказывает влияние на готовность использовать механизмы морального самооправдания. Наиболее активными оказываются сами агрессоры-буллеры, жертвы менее активно, но также готовы использовать механизмы морального самооправдания. Занимаемая роль защитника не предполагает ориентировки на стратегии самооправдания (Killer et al., 2019). Таким образом, различные исследования показывают, что механизмы морального самооправдания активно используются в подростковом и юношеском возрасте, особенно в условия агрессивного поведения.

Цель и задачи исследования

Цель исследования: определить особенности предпочтений механизмов морального самооправдания в подростковом и юношеском возрасте.

Задачи исследования:

- анализ особенностей предпочтений механизмов морального самооправдания,
- анализ возрастной динамики механизмов морального самооправдания,
- анализ гендерных различий предпочтения механизмов морального самооправдания,
- анализ ряда психометрических параметров методики особенностей механизмов морального самооправдания.

Выборка и методики исследования

В исследовании приняли участие 551 подросток от 14 до 17 лет ($M = 15,53$; $SD = 0,77$). Из них 346 (62,8%) юношей и 205 (37,2%) девушек. Для выявления возрастной динамики использования механизмов морального самооправдания было опрошено еще 230 студентов старших курсов вузов.

Выраженность использования механизмов моральной свободы выяснялась при помощи методики отчуждения моральной ответственности С. Мур, выделяющей предпочитаемые механизмы морального самооправдания, в русскоязычной адаптации Я.А. Ледо-

вой и коллег (Ледовая и др., 2016). В опроснике на каждый из восьми механизмов морального самооправдания приходилось 3 вопроса. Выраженность каждого механизма определялась как среднее арифметическое оценок по соответствующим вопросам.

Методика «Справедливость — забота» (автор С.В. Молчанов), направленная на выявление типа моральной ориентации личности, была применена для определения уровня морального развития (для части выборки).

Основные результаты исследования

В табл. 1 приведены средние и стандартные отклонения выраженности всех механизмов морального самооправдания в целом по выборке, отдельно для юношей, отдельно для девушек и результат проверки различий между оценками юношей и девушек (t-критерий для независимых выборок).

Таблица 1

Средние и стандартные отклонения оценок выраженности механизмов моральной свободы у всей выборки, юношей и девушек, результат проверки различий оценок юношей и девушек

Выборка / Механизм самооправдания	Все		Юноши		Девушки		Различия	
	Me	SD	Me	SD	Me	SD	t	p
Моральное оправдание	3,48	1,25	3,71	1,28	3,09	1,10	5,741	<0,001
Речевой эвфемизм	2,83	1,14	2,91	1,15	2,68	1,10	2,300	0,022
Оправдательное сравнение	2,15	0,87	2,17	0,84	2,11	0,93	0,759	0,448
Распределение ответственности	2,62	1,15	2,62	1,22	2,63	1,04	0,018	0,986
Диффузия ответственности	2,77	1,12	2,89	1,17	2,58	1,01	3,069	0,002
Искажение последствий	2,64	1,12	2,73	1,09	2,48	1,16	2,567	0,011
Дегуманизация жертвы	3,87	1,33	3,96	1,34	3,71	1,30	2,058	0,040
Атрибуция вины	3,62	1,08	3,75	1,08	3,40	1,05	3,746	<0,001

И в целом по выборке, и отдельно для юношей и девушек, наиболее предпочитаемыми механизмами самооправдания являются «дегуманизация жертвы», «атрибуция вины», «моральное самооправдание», наименее — «оправдательное сравнение». При помощи t-критерия для связанных выборок было выявлено, что для всей выборки выраженность механизмов «дегуманизация жертвы»,

«атрибуция вины», «моральное самооправдание» значимо выше, чем выраженность всех остальных механизмов, а выраженность «оправдательного сравнения» — значимо ниже, чем выраженность всех остальных механизмов ($p < 0,05$).

У юношей выраженность всех механизмов самооправдания, кроме «оправдательное сравнение» и «распределение ответственности» значимо выше, чем у девушек; для механизмов «оправдательное сравнение» и «распределение ответственности» значимых различий нет.

Оценки выраженности всех механизмов моральной свободы связаны между собой (r от 0,3 до 0,6, $p < 0,05$, коэффициент корреляции Пирсона), что косвенно свидетельствует о внутренней связанности рассматриваемого конструкта, а кроме того позволяет ввести в рассмотрение интегративный показатель выраженности механизмов — сумму ответов по всем шкалам.

При помощи кластерного анализа (метод К-средних) и однофакторного дисперсионного анализа ANOVA было выявлено три качественно отличающихся типа использования механизмов морального самооправдания (Molchanov et al., 2020).

Тип 1 (27% респондентов) проявляет наименьшую активность в использовании механизмов морального самооправдания. В случаях использования наиболее часто прибегают к моральному сравнению и стратегиям искажения образа жертвы (дегуманизация жертвы, атрибуция вины). Обозначим эту группу как группу, достаточно редко использующую стратегии морального самооправдания («пассивные пользователи»), а тип моральной свободы — пассивное обращение к моральному самооправданию.

Тип 2 (44% участников исследования) демонстрируют средний уровень активности в обращении к механизмам морального самооправдания. Наиболее популярные механизмы — это стратегии искажения образа жертвы: дегуманизация и атрибуция вины, а также моральное оправдания. Обозначим эту группу как группу, ориентированную на стратегию искажения образа жертвы, а тип моральной свободы как «обесценивание жертвы».

Тип 3 (29% подростков) активнее остальных групп респондентов используют все механизмы морального самооправдания. Обозначим эту группу как группу активных пользователей стратегиями морального самооправдания («активные пользователи»), а тип моральной свободы как активное обращение к моральному самооправданию.

В табл. 2 представлено процентное распределение юношей и девушек по типам морального самооправдания.

Распределение юношей и девушек по типам моральной свободы

Тип МСО / Пол	Пассивные пользователи	Обесценивание жертвы	Активные пользователи	Всего
Юноши	20,3%	45,5%	34,3%	100,0%
Девушки	41,4%	42,1%	16,5%	100,0%
Всего	27,0%	44,3%	28,7%	100,0%

При помощи критерия χ^2 установлено, что есть связь между полом и попаданием подростков в определенный тип ($\chi^2 = 24,986$ при $p < 0,001$, сила эффекта VCramer's — 0,247). Юноши значимо чаще бывают «активными», а девушки — «пассивными» пользователями МСО. Полученные данные по межполовым различиям говорят о том, что при построении норм нам необходимо разрабатывать их отдельно для юношей и для девушек.

Была проведена проверка надежности инструментария и проведен перевод сырых баллов в стандартные (стены).

Проверка внутренней валидности

Значение коэффициента Альфа Кронбаха по шкалам опросника варьируется от 0,607 (атрибуция вины) до 0,764 (моральное оправдание). По всем вопросам опросника, коэффициент Альфа Кронбаха равен 0,869. Полученные результаты говорят о надежности данных.

Проверка конвергентной (внешней) валидности

Для части выборки ($N = 103$ — 48 юношей и 55 девушек) проверена связь между МСО и моральным развитием подросткам. Для оценки морального развития (моральных суждений) была выбрана методика «Справедливость — забота» (Молчанов С.В.).

Было проверено наличие различий в оценках, полученных в методике «справедливость — забота» у подростков с разными типами выраженности механизмов отчуждения моральной ответственности. В табл. 3 приведены средние значения оценок морального развития подростков с разными типами выраженности механизмов отчуждения моральной ответственности и результаты сравнения этих оценок (критерий Краскела–Уоллиса).

Полученные результаты показывают, что оценки по низким уровням морального развития (для моральных суждений и принципа «справедливость», и принципа «забота») ниже у «пассивных

пользователей» механизмов морального самооправдания (1 тип), чем у остальных подростков (2 и 3 типы).

Таблица 3

Средние оценки шкал методики «справедливость — забота» у подростков с разными типами выраженности механизмов отчуждения морально ответственности, различия между ними

	1 тип	2 тип	3 тип	Различия	
				K-W	p
Справедливость 1.1	2,5	3,0	3,0	10,144	0,006
Справедливость 1.2	2,5	2,9	3,0	6,771	0,034
Справедливость 2.1	2,5	3,0	3,2	8,980	0,011
Справедливость 2.2	2,8	3,1	3,1	2,933	0,231
Справедливость 3.1	3,5	3,6	3,6	0,008	0,996
Справедливость 3.2	3,2	3,4	3,1	2,405	0,300
Забота 1.1	2,5	2,8	3,2	8,489	0,014
Забота 1.2	3,2	3,7	3,4	5,312	0,070
Забота 2.1	3,3	3,5	3,5	2,077	0,354
Забота 2.2	3,6	3,7	3,5	1,311	0,519
Забота 3.1	3,0	3,3	3,3	4,012	0,135

Примечания: Типы МСО: 1 тип — «пассивные пользователи МСО», 2 тип — «обесценивание жертвы», 3 тип — «активные пользователи МСО»

Ретестовая надежность

Для небольшой части выборки (N = 50) было проведено повторное тестирование через 9 месяцев после первого. При помощи коэффициента корреляции Спирмена было установлено, что результаты двух проб связаны для всех механизмов самооправдания (значимые связи от 0,65 до 0,73, $p < 0,01$), что свидетельствует о ретестовой надежности инструментария.

Нормы

Напомним, что нами был введен в рассмотрение интегративный показатель выраженности использования механизмов моральной свободы. Для него был проведен перевод сырых показателей в стены (отдельно для юношей и отдельно для девушек). В рассматриваемом возрастном периоде — старший подростковый возраст — возраст (и

класс) подростков оказался не связан с выраженностью ни одного из механизмов моральной свободы, что позволяет нам рассматривать полученные нормы, как подходящие для всех подростков с 14 до 17 лет. Среднее значение по общему баллу для юношей – 24,74, стандартное отклонение — 5,88. Распределение является нормальным (критерий Колмогорова–Смирнова). Воспользовавшись формулой для перевода сырых баллов в стены (Митина, 2013), получим следующую таблицу перевода общего балла МСО в стены для юношей — табл. 4.

Таблица 4

Перевод сырых общих баллов по МСО в стены для юношей

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
<13,3	13,3–6,4	16,5–8,6	18,7–1,7	21,8–4,6	24,7–8,0	28,1–0,5	30,6–2,3	32,4–6,9	>36,9

Среднее значение по общему баллу для девочек — 22,68, стандартное отклонение — 5,84. Распределение является нормальным (критерий Колмогорова–Смирнова). Воспользовавшись формулой для перевода сырых баллов в стены, получим следующую таблицу перевода общего балла МСО в стены для девушек — табл. 5.

Таблица 5

Перевод сырых общих баллов по МСО в стены для девушек

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
<11,0	11,0–4,0	14,1–6,6	16,7–0,2	19,3–2,7	22,8–5,7	25,8–8,0	28,1–1,0	31,1–4,3	>34,3

У юношей мы можем говорить о слабой степени выраженности использования механизмов моральной свободы при значении интегративного показателя меньше 18,7, а о высокой — при значении больше 30,5. У девушек же о слабой выраженности использования механизмов морального самооправдания будет говорить интегративный показатель меньше 16,7, а о высокой — больший, чем 28,0.

Возрастная динамика использования механизмов морального самооправдания

Для выявления возрастной динамики использования механизмов моральной свободы были опрошены 230 молодых людей — студентов старших курсов вузов.

Самыми выраженными механизмами моральной свободы для подростков являются «дегуманизация жертвы» и «атрибуция вины», а для студентов — «дегуманизация жертвы» и «моральное оправдание». Реже всего школьники используют механизмы «выгодное сравнение» и «искажение последствий», а молодые люди юношеского возраста — «выгодное сравнение» и «распределение ответственности».

При помощи *t*-критерия для независимых выборок, были проверены различия в оценках использования механизмов морального самооправдания у школьников и студентов. Было получено, что:

- 1) механизмы «диффузия ответственности» ($t = 3,222$; $p = 0,001$) и «атрибуция вины» ($t = 2,021$; $p = 0,044$) значимо чаще используют школьники старшего подросткового возраста, чем студенты;
- 2) механизмы «выгодное сравнение» ($t = -2,701$; $p = 0,007$) и «дегуманизация жертвы» ($t = -4,432$; $p < 0,001$) значимо чаще используются студентами, чем школьниками старшего подросткового возраста.

Полученные данные свидетельствует о нелинейной динамике частоты использования механизмов моральной свободы. В дальнейшем планируется, кроме рассмотрения возраста, ввести в рассмотрение как внешние (такие как пол), так и внутренние (личностные черты и т.д.) факторы для получения более полной картины изменения механизмов моральной свободы в процессе взросления.

Выводы

Анализ особенностей использования механизмов морального самооправдания в подростковом и юношеском возрасте на российской выборке позволил установить наиболее предпочитаемые механизмы морального самооправдания — «дегуманизация жертвы», «атрибуция вины» и «моральное самооправдание, что в целом соответствует результатам, полученным в предшествующих исследованиях (Gini et al., 2014). На основе проведенного кластерного анализа были выделены три группы респондентов подросткового и юношеского возраста, с различными предпочтениями в использовании механизмов морального самооправдания. Наибольшую по числу участников группу составили подростки, ориентированные на стратегию искажения образа жертвы по типу «обесценивание жертвы». Была выделена группа «активных пользователей», для которых характерно наиболее частое обращение к механизмам морального самооправдания, определяющее их «моральную свободу» от необходимости следовать

в своем поведении моральным нормам. Группа «пассивных пользователей» относительно редко обращается к механизмам морального самооправдания, отдавая предпочтение моральному сравнению и стратегиям искажения образа жертвы (дегуманизация жертвы и атрибуция вины).

Полученные результаты выявили возрастную динамику в характере использования механизмов морального самооправдания: для школьников более характерно использование диффузии ответственности и атрибуции вины, для студентов — выгодное сравнение и дегуманизация жертвы. Эти факты свидетельствуют о том, что подростки ориентированы в большей степени на избегание внешней ответственности, социального порицания и наказания при нарушении моральных норм, а молодые люди — на сохранение высокой моральной самооценки и позитивного самоотношения.

Определена гендерная специфика использования механизмов морального самооправдания: у юношей выраженность всех механизмов самооправдания, за исключением «оправдательного сравнения» и «распределения ответственности» значимо выше, чем у девушек.

Проведенный анализ психометрических характеристик методики исследования механизмов морального самооправдания показал достаточно высокую надежность и валидность, что указывает на возможность ее использования для диагностики особенностей предпочтения механизмов морального самооправдания в подростковом и юношеском возрасте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арчер Д., Гартнер Р. Жертвы мирного времени: влияние войны на стремление населения к насилию в мирное время. Общественное животное. Исследования / Под ред. Э. Аронсон СПб, 2003. С. 44–61.

Ледовая Я.А., Тихонов Р.В., Боголюбова О.Н., Казенная Е.В., Сорокина Ю.Л. Отчуждение моральной ответственности: психологический конструкт и методы его измерения // Вестник СПбГУ. Серия 16. Психология. Педагогика. 2016. № 4. С. 23–39.

Митина О.В. Разработка и адаптация психологических опросников. М.: Смысл, 2013.

Молчанов С.В. Моральное самооправдание как миф «моральной свободы» личности // Национальный психологический журнал. 2019. № 3 (35). С. 60–70.

Bandura, A., Underwood, B., & Fromson, M.E. (1975). Disinhibition of aggression through diffusion of responsibility and dehumanization of victims. *Journal of Research in Personality*, 9, 253–269.

Bandura, A. (1986). *Social foundations of thought and action: A social cognitive theory*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Bandura, A. (1991). Social cognitive theory of moral thought and action. *Handbook of moral behavior and development*. Vol. 1. In W.M. Kurtines & J.L. Gewirtz (Eds.). (pp. 45–103). Hillsdale, NJ: Erlbaum.

Bandura, A., Barbaranelli, C., Caprara, G.V. & Pastorelli, C. (1996) Multifaceted Impact of Self-Efficacy Beliefs on Academic Functioning, *Child Development*, 67 (3), 1206–1222.

Brock, T.C., & Buss, A.H. (1962). Dissonance, aggression, and evaluation of pain. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*, 65 (3), 197–202.

Bussey, K., Fitzpatrick, S. & Raman A. (2015) The role of moral disengagement and self-efficiency in cyberbullying. *Journal of school violence*, 14 (1), 30–46.

Caravita, S.C., Sijtsema, J.J., Rambaran, J.A., Gini, G. (2014) Peer influences on moral disengagement in late childhood and early adolescence. *Journal of youth and adolescence*, 43, 193–207.

Caprara G.V., Dodge, K.A, Pastorelli, C., & Zelli A. (2006) The Effects of Marginal Deviations on Behavioral Development. *European Psychology*, 11 (2), 79–89.

Diener, E., Dineen, J., Endresen, K., Beaman, A.L., & Fraser, S. C. (1975) Effects of altered responsibility, cognitive set, and modeling on physical aggression and deindividuation. *Journal of Personality and Social Psychology*, 31 (2), 328–337.

Diener, E. (1977) Deindividuation: Causes and consequences. *Social Behavior and Personality. An International Journal*, 5 (1), 143–155.

Gini, G., Pozzoli, T., Hymel, S. (2014) Moral disengagement among children and youth: a meta-analytic review of links to aggressive behavior. *Aggressive Behavior*, 40 (1), 56–68.

Hyde, L.W., Shaw, D.S., & Moilanen, K.L. (2010) Developmental precursors of moral disengagement and the role of moral disengagement in the development of antisocial behavior. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 38, 197–209.

Kelman, H.C. (1973) Violence without moral restraint: reflections on the dehumanization of victims and victimizers. *Journal of social issues*, 29 (4), 25–61.

Kelman, H.C., Hamilton, V.L. (1989). *Crimes of obedience: Toward a social psychology of authority and responsibility*. New Haven, CT, US: Yale University Press.

Killer, B., Hawes, D., Bussey, K., Hunt, C. (2019) A meta-analysis of the relationship between moral disengagement and bullying roles in youth. *Aggressive behavior*, 45, 450–462.

Molchanov, S.V., Almazova, O.V., & Priazhnikov, N.S. (2020). Personal factors of moral disengagement mechanisms in adolescence. *The European Proceedings of Social and Behavioral Sciences*. In press.

Paciello, M., Fida, R., Tramontano, C., Lupinetti, C., Caprara, G.V. (2008) Stability and change of moral disengagement and its impact on aggression and violence in late adolescence. *Child Development*, 79, 1288–1309.

Sanford, N., Comstock, C. (1971) *Sanctions for Evil: Sources of Social Destructiveness* Hardcover. Publisher: Jossey-Bass.

Zimbardo, P.G. (1995). The psychology of evil: A situationist perspective on recruiting good people to engage in anti-social acts. *The Japanese Journal of Social Psychology*, 11 (2), 125–133.

REFERENCES

- Archer D., Gartner R. (2003) Victims of peacetime: war influence on desire for violence in peaceful time. In I. Aronson (Eds.) *Public animal* (pp. 44–61). SPb. (in Russ.)
- Ledovaya Y.A., Tikhonov R.V., Bogolyubova O.N., Kazennaya E.V., Sorokina Y.L. (2016) Moral Disengagement: the Psychological Construct and its Measurement. *Vestnik SPbSU. Series 16. Psychology. Education (Bulletin Saint Petersburg University)*, 4, 23–39.
- Mitina O.V. (2013) Development and adaptation of psychological questionnaires. Moscow: Smisl. (in Russ.)
- Molchanov S.V. (2019) Moral disengagement as myth of moral freedom of personality. *Nacionalnij psihologicheskij jurnal (National Psychological journal)*, 3 (35), 60–70.
- Bandura, A., Underwood, B., & Fromson, M.E. (1975). Disinhibition of aggression through diffusion of responsibility and dehumanization of victims. *Journal of Research in Personality*, 9, 253–269.
- Bandura, A. (1986). *Social foundations of thought and action: A social cognitive theory*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Bandura, A. (1991). Social cognitive theory of moral thought and action. *Handbook of moral behavior and development*. Vol. 1. In W.M. Kurtines & J.L. Gewirtz (Eds.). (pp. 45–103). Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Bandura, A., Barbaranelli, C., Caprara, G.V. & Pastorelli, C. (1996) Multifaceted Impact of Self-Efficacy Beliefs on Academic Functioning. *Child Development*, 67 (3), 1206–1222.
- Brock, T.C., & Buss, A.H. (1962). Dissonance, aggression, and evaluation of pain. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*, 65 (3), 197–202.
- Bussey, K., Fitzpatrick, S. & Raman A. (2015) The role of moral disengagement and self-efficiency in cyberbullying. *Journal of school violence*, 14 (1), 30–46.
- Caravita, S.C., Sijtsema, J.J., Rambaran, J.A., Gini, G. (2014) Peer influences on moral disengagement in late childhood and early adolescence. *Journal of youth and adolescence*, 43, 193–207.
- Caprara G.V., Dodge, K.A., Pastorelli, C., & Zelli A. (2006) The Effects of Marginal Deviations on Behavioral Development. *European Psychology*, 11 (2), 79–89.
- Diener, E., Dineen, J., Endresen, K., Beaman, A.L., & Fraser, S.C. (1975) Effects of altered responsibility, cognitive set, and modeling on physical aggression and deindividuation. *Journal of Personality and Social Psychology*, 31 (2), 328–337.
- Diener, E. (1977) Deindividuation: Causes and consequences. *Social Behavior and Personality: An International Journal*, 5 (1), 143–155.
- Gini, G., Pozzoli, T., Hymel, S. (2014) Moral disengagement among children and youth: a meta-analytic review of links to aggressive behavior. *Aggressive Behavior*, 40 (1), 56–68.
- Hyde, L.W., Shaw, D.S., & Moilanen, K.L. (2010) Developmental precursors of moral disengagement and the role of moral disengagement in the development of antisocial behavior. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 38, 197–209.

Kelman, H.C. (1973) Violence without moral restraint: reflections on the dehumanization of victims and victimizers. *Journal of social issues*, 29 (4), 25–61.

Kelman, H.C., Hamilton, V.L. (1989). Crimes of obedience: Toward a social psychology of authority and responsibility. New Haven, CT, US: Yale University Press.

Killer, B., Hawes, D., Bussey, K., Hunt, C. (2019) A meta-analysis of the relationship between moral disengagement and bullying roles in youth. *Aggressive behavior*, 45, 450–462.

Molchanov, S.V., Almazova, O.V., & Priazhnikov, N.S. (2020). Personal factors of moral disengagement mechanisms in adolescence. The European Proceedings of Social and Behavioral Sciences. In press.

Paciello, M., Fida, R., Tramontano, C., Lupinetti, C., Caprara, G.V. (2008) Stability and change of moral disengagement and its impact on aggression and violence in late adolescence. *Child Development*, 79, 1288–1309.

Sanford, N., Comstock, C. (1971) Sanctions for Evil: Sources of Social Destructiveness Hardcover. Publisher: Jossey-Bass.

Zimbardo, P.G. (1995). The psychology of evil: A situationist perspective on recruiting good people to engage in anti-social acts. *The Japanese Journal of Social Psychology*, 11 (2), 125–133.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Молчанов Сергей Владимирович — кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. *E-mail*: s-molch2001@mail.ru

Алмазова Ольга Викторовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. *E-mail*:almaz.arg@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Sergey V. Molchanov — Assistant Professor, Department of Developmental Psychology of the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University. *E-mail*: s-molch2001@mail.ru

Olga V. Almazova — Assistant Professor, Department of Developmental Psychology of the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University. *E-mail*:almaz.arg@gmail.com